

говорить, он не имеет однокоренного соотносительного глагола совершенного вида. Существует лишь супплетивная пара: говорить/сказать. В таком случае наиболее точно смысл может быть передан за счет лексических средств: Я говорил мало, я перестал говорить; я еще учился, я забросил книги.

Таким образом, очевидно, что русскоговорящие, изучающие французский язык, сталкиваются с глагольной системой, значительно отличающейся от глагольной системы их родного языка.

Несомненно, что *Imparfait* выражает видовое значение - значение несовершенного вида. Это значение не возникает контекстуально, оно присуще самой форме *Imparfait*. Это - значение непрерывного действия, «процессность» по терминологии, принятой в настоящее время в лингвистике. Что касается *Passé simple*, то значение совершенного вида, по-видимому, не является постоянно присущим ему значением, а обуславливается контекстом. Соотношение видового значения *Passé simple* и совершенного вида в русском языке еще требует тщательного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. - М.: Просвещение, 1971, с. 4.
2. Белашопкова В.А. «Современный русский язык». - М.: Высшая школа, 1981. С. 313.
3. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Французский язык. - М.: Лист Нью, 2004. С. 82.

4. Виноградов В.В. Русский язык. М.-Л.: Учпедгиз, 1947. С. 497.
5. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. II. - Братислава, 1960.
6. Катагощина Н.А. Соотношения глагольных и именных категорий в русском и французском языках. - М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1985. С. 4-6.
7. Кузнецов П.С. - М. сб.: Современный русский язык. Морфология. - М.: Изд-во МГУ, 1952. С. 309.
8. Le Bidois J., R. Grammaire structurale du français. - Paris: Larousse, 1967. - P. 215.
9. Damourette J. et Pichon Ed. Des mots à la pensée. Essai de grammaire française. - Paris: Arty, 1970, t. V - P. 363.
10. F. de Saussure. Cours de linguistique générale. Paris, 1922, 162.
11. Sten H. Les temps du verbe fini (indicatif) en français moderne. - Kobenhavn: Munksgaard, 1952. - P. 234.

M. Sentchenkova

ASPECT CATEGORY OF THE FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. In modern linguistics mode as a grammar category is confessed both in French and Russian. Nevertheless, there is a list of issues concerning mode meanings and term means requiring more deep examination. As a result of works analysis of Russia and foreing grammarians several peculiarities of mode category in comparable languages were detected in the article.

Key words: comparative linguistics, grammar, Russian, the French language, kind category.

УДК 651.926:82.035

Харитонова Е.В.

ЛАГЕРНАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК И НОСИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ (ЛИНГВОПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

Аннотация. Статья посвящена анализу семантики лагерных лексем, а также обоснованию сущности семантической неполноэквивалентности лексических единиц двух языков, содержащих этнокультурный компонент значения (на примере лагерной лексики), и целесообразности ее вычленения среди традиционно выделяемых переводоведческих категорий.

Ключевые слова: лагерная лексика, семантическая неполноэквивалентность, националь-

ная маркированность, межкультурная коммуникация.

Современный подход к оценке взаимоотношений языка и культуры предполагает их взаимосвязь, взаимопроникновение и взаимодействие, в результате чего любые изменения в одной из этих систем приводят к соответствующим изменениям в другой. Данная точка зрения подтверждается фактом возникновения в русском языке XX века так называемого лагерного субъязыка как отде-

* © Харитонова Е.В.

льного социолекта. В субъязыке подобного типа ярко отражается различие культур, истории и менталитетов разных языковых сообществ, и для того, чтобы национально-специфические черты, присущие такому типу лексики, как лагерная лексика, стали доступны и понятны для носителей иной культуры, необходимо так называемое овнешнение, или экспликация, стоящих за этой лексикой образов и понятий. Невозможность «овнешнения» быта советских лагерей для читателей тех стран, в которых не существовало концентрационных лагерей, а значит, и картина мира которых оказалась лишена концептов, характерных для лагерной «антицивилизации», сложившейся в бывшем СССР и Германии [Чайковский Р. Р. 2003, 5], приводит к тому, что передать специфические значения, присущие тюремно-лагерным словам и выражениям зачастую не удается даже самым блестящим переводчикам. Автор словаря «Арго ГУЛАГа» Б. Бен-Яков считает, что «перевод арготической лексики на другой язык невозможен, а тем более не следует забывать о том, что русское тюремное арго создавалось в таких специфических условиях, которым невозможно найти точных эквивалентов ни на одном другом арго» [Бен-Яков Б. 1982, 16].

Однако несмотря на высокую степень национальной маркированности, не вся лагерная лексика может быть отнесена к безэквивалентной, к которой в переводоведении принято относить слова и словосочетания исходного языка (далее – ИЯ), обозначающие реалии культуры носителей этого языка. В самом термине «безэквивалентная лексика» уже содержится указание на характерную черту лексических и фразеологических единиц, обозначающих реалии: такие единицы, как правило, не имеют регулярных соответствий в других языках, а значит, «не поддаются переводу «на общем основании», требуя особого подхода» [Влахов С. И., Флорин С. П. 2006, 60]. В то же время практика перевода показывает, что зачастую денотативное значение безэквивалентной лексической единицы в той или иной степени удается передать на языке перевода (далее – ЯП). Доказательством может послужить приблизительный (приближенный) перевод, в том числе «с применением родовидовых соответствий, функционального аналога или культурного аналога» [Делюкин Д. А. 1997, 153], суть которого заключается в подыскании ближайшего по значению соответствия в языке перевода, которое наиболее точно передавало бы значение безэквивалентной единицы исходного языка. Следовательно, использование приблизительного перевода чаще всего позволяет перевод-

чику передать денотативный компонент значения слова. Однако при этом степень безэквивалентности лексемы на уровне денотата оказывается меньшей, так как в строгом терминологическом смысле к безэквивалентной лексике следует относить «денотативные реалии, не имеющие словарных соответствий в других языках либо из-за отсутствия в общественной практике данной социокультурной общности соответствующих реалий, либо из-за отсутствия лексических единиц, обозначающих эти реалии» [Ощепкова В. В. 2004, 95]. Чтобы избежать подобного противоречия, представляется целесообразным ввести понятие семантической неполноэквивалентности и рассматривать семантически неполноэквивалентную лексику как отдельную группу слов среди традиционно выделяемых лексических групп, содержащих культурный компонент значения. Этот тезис находит свое подтверждение, в частности, при анализе переводов на английский язык русской лагерной прозы.

Основу лагерного субъязыка составляет специфическая лексика – лагеризмы. Их большая часть относится к группе слов, содержащих так называемый культурный компонент значения* (подробнее о культурном компоненте значения см., напр.: [Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. 2005, 44], [Томахин Г. Д. 1982, 15]). Большая часть лагерных лексем относится к неполноэквивалентной лексике не только по своим фоновым характеристикам, но и по основному понятийному компоненту семантики. Используя

* Применительно к лагерной лексике понятие «культурный компонент значения» носит несколько условный характер, поскольку речь в данном конкретном случае может идти, скорее, об «акультурном» компоненте, как и об «антикультуре» лагерной «антицивилизации» в целом. Спорным представляется в этой связи замечание Л. К. Латышева, по мнению которого «в культуре, как вторичной реальности, созданной народом, органично переплетаются как ее позитивные, так и негативные «ценности». Главное, что позволяет отнести и те и другие к разряду культуры, состоит в том, что они являются тем, что отличает народы в глазах друг друга... Разделять же вторичную реальность на культуру (положительное) и антикультуру (отрицательное) было бы не только затруднительно, но и не конструктивно» [Латышев Л. К. К проблеме определения лингвокультурного аспекта перевода // Межкультурная коммуникация и перевод: Материалы межвузовской науч. конф. Москва 29 января 2004 г. – М.: МОРУ, 2004. – С. 196]. Тем не менее мы считаем возможным употреблять термин «лагерная антикультура» в том же смысле, что М. А. К. Хэллидей вкладывает в понятие «антиобщество»: «Антиобщество – это общество, которое существует внутри другого общества как альтернативное. Это способ выражения сопротивления... Антиязык не только существует параллельно с антиобществом – на деле он порождается им» (Цит. по: [Вежицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 107–108]).

термин «эквивалент» в трактовке, предложенной Л. Л. Нелюбиным, в соответствии с которой эквиваленты – это «постоянные и равнозначные соответствия между единицами исходного и переводного текста, независимые от контекста» [Нелюбин Л. Л. 2003, 253], под семантически неполноэквивалентными лексическими единицами мы понимаем такие единицы ИЯ, у которых есть соответствия в ЯП, передающие денотативный компонент значения, но которые неравноценны исходным единицам на уровне сигнификата*.

Иначе это можно представить в виде цепочки последовательных превращений: предполагая какой-либо предмет (денотат), участник коммуникативного акта передает свое представление о нем (сигнификат), которое в сознании получателя информации должно быть соотнесено с обозначаемым предметом (денотатом). Однако в процессе осуществления коммуникативного акта переводчику зачастую не удается в полной мере передать сигнификативный компонент семантики лексемы, так как сигнификативная сторона в плане содержания отражает «определенный комплекс (выделено нами – Е. Х.) качеств отражаемого предмета» [Колшанский Г. В. 1973, 38]. Допускаемые переводчиком потери сигнификативного значения приводят к трансформации денотата в сознании реципиента перевода, в результате которой читатель перевода получает неполное представление о свойствах обозначаемого предмета, хотя некоторые его качества оказываются доступны и понятны получателю перевода.

Примером семантической неполноэквивалентности может послужить лексема «стукач», зачастую переводимая на английский язык словом “informer”. Денотативное значение лексемы «стукач» – «доносчик», «осведомитель» (a person who informs against another [Oxford Encyclopedic English Dictionary 1991, 729]) – оказывается достаточно верно воссозданным в переводе на английский язык. Однако сохранение «денотативной инвариантности» является лишь минимальным требованием для того, чтобы считать текст на языке перевода «транслатом» текста оригинала [Каде О. 1978, 79]. Стремясь понять сообщение и передать его предметную соотнесенность, иными словами, денотативное значение, переводчик

* Разграничивая понятия денотативное и сигнификативное значения, мы определяем их, вслед за Л. Л. Нелюбиным, следующим образом: денотативное значение представляет собой отображение обозначаемого словом предмета или явления действительности [Нелюбин Л. Л. 2003, 44], сигнификативное значение сопутствует денотативному значению слова и связывается с данным знаком всеми представителями данной этнической общности и поэтому является фактом языка [Нелюбин Л. Л. 2003, 192].

не воспроизводит в должной мере ту информацию о предмете, которую несет в себе знак исходного текста, т. е. сигнификативное значение или смысл. В результате в переводе оказывается потерянным важнейшее качество обозначаемого денотата, характерное для данной лексемы, а именно **тайный** характер передачи информации. Стукач – тайный доносчик, и когда говорят «стукач» имеют в виду «тайное доносительство». Доказательством этому является сама этимология слова: стукач изначально использовал для передачи информации специально зашифрованную систему звуковых знаков. Однако для англоязычного читателя качество «тайное доносительство» осталось за рамками перевода.

Убедительным примером несовпадения объема значений служит перевод лагерного понятия «ларек» – camp (prison) store (shop). В данном переводческом решении оказался не учтенным сигнификативный компонент значения, заключающийся в том, что в системе лагерей эта точка реализации заключенным крайне ограниченного ассортимента товаров использовалась и в качестве меры дополнительного наказания в отношении осужденных, каким-либо образом вступавшим в разногласия с лагерной администрацией. Возможность лишения заключенных права приобретения товара в ларьке («лишить ларьком») превратилась в средство воздействия администрации на осужденных.

Рассмотрим еще несколько примеров перевода лагерных лексем, при передаче которых наблюдается или приращение смысла, или его обеднение.

Баланда – gruel, broth: перевод данной лексемы не передает смысловое значение лагерной реалии: под баландой подразумевался малопитательный суп, пригодный лишь для поддержания минимума физических сил, необходимых для выживания в лагерях. В связи с этим более удачным может считаться перевод «dishwash soup», поскольку в речи заключенного у слова «баланда», как правило, присутствовало уничижительное эмоционально отрицательно-окрашенное значение (см. напр. Росси: «Ты чудо из чудес, ты наш деликатес, баланда!» [Росси Ж. 1991, 21]).

Придурки – trusties: потеря сигнификативного компонента в данном случае заключается в том, что перевод не передает негативного отношения к данной категории заключенных со стороны других осужденных. Косвенным подтверждением этому может послужить и сама форма лексемы: «придурок» – это дериват от слова «дурак»; «trusty» в английском языке – это дериват глагола «to trust» (to trust: a firm belief in the reli-

ability or truth or strength etc. of a person or thing [Oxford Encyclopedic English Dictionary 1991, 1549]). Кроме того, данный перевод не учитывает той особенности данной лагерной лексемы, что привилегиями, предоставляемыми придуркам, могли обладать преимущественно заключенные, осужденные не по политическим статьям, а бытовики и уголовники. Обслуживающий персонал набирался не из тех, кто пользовался наибольшим доверием, а из «социально близких» служащим системы. В обслуживающий персонал назначались те же воры, которые так же «курочили» и «шмонали» заключенных, для того, чтобы затем передать часть награбленного в руки надзиратель или конвоя.

Опер – Security (operations) officer, Security chief, Oper, the Security officer: в предложенных переводчиками соответствиях утрачивается значение того, что в лагере оперуполномоченный был прежде всего представителем противостоящего заключенным карательного режима. Кроме того, не учитывается специфика деятельности оперативного состава в лагерях, который в отличие от службы безопасности (security) осуществлял оперативно-розыскную деятельность (вербовал агентов, собирал материал, выявлял «заговоры») с целью обеспечения работы лагерей, недопущения лагерных бунтов, разобщения среды заключенных, создания условий выполнения в лагерях производственных задач.

«Без права переписки» – Deprived of the right to correspond, No right to correspondence, Without the right of correspondence: перевод данного лагерного выражения, на наш взгляд, обязательно требует пояснения, поскольку предложенный буквальный перевод не учитывает значения данной реалии, в соответствии с которым в период сталинских чисток формулировка «б. п. п.» означала расстрел.

Общие работы – general-assignment work, general duties, general labor: хотя переводчиками, на наш взгляд, достаточно точно передано денотативное значение данной лексемы, предложенные варианты перевода не учитывают присущих общим работам ограничений в отношении определенных категорий заключенных. На общие работы направлялись прежде всего заключенные из среды «классово враждебных» элементов. Этот вид работ означал профессиональную дисквалификацию, быстрое физическое истощение и, как следствие – скорую смерть, поскольку был сопряжен с работой в особенно тяжелых условиях. В связи с этим для заключенных лагерей общие работы означали не просто вид деятельности, а особую форму истязания, которой они любыми

путями стремились избежать.

Подобная неполнота получаемого представления о свойствах денотата дает нам основания говорить о семантической неполноэквивалентности, существующей в межкультурной коммуникации наряду с фоновой неполноэквивалентностью, выделяемой Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым.

Понятие «семантическая неполноэквивалентность», на наш взгляд, позволит более четко сформулировать концепцию безэквивалентности. Семантически неполноэквивалентные единицы – это своего рода «hotspots/rich points», которые присутствуют в общении любого речевого коллектива. Понятие «hotspots/rich points», предложенное американским лингвистом М. Агаром, означает элементы языка, в которых отражены специфические черты, присущие данной культуре. Немецкий исследователь Г. Херингер так комментирует суть данного понятия: «Rich Points sind Stellen, an denen in der Kommunikation häufiger Probleme auftreten... Wenn man mit Menschen in Kontakt tritt, die einen anderen sprachlichen und kulturellen Hintergrund haben als man selbst, wenn also zwei Kulturen aufeinander treffen und dieser Unterschied im Kontakt spürbar wird, werden Rich Points häufig sein» [Heringer H. J. 2004, 162]. Иными словами, используя выражение И. И. Халеевой, это «лексика, несущая в себе заряд социокультурной и исторической памяти» [Халеева И. И. 1994, 29]. Тем самым подтверждается положение Г. В. Елизаровой о том, что «...культурный компонент значения содержится не только в безэквивалентной лексике, но и в лексике, которая на поверхности предстает как имеющая эквиваленты в ИЯ. Он может иметь как референциальный характер, представляя культурно-специфические аспекты физического и социального мира, так и индексальный, отсылая к специфической системе культурных ценностей» [Елизарова Г. В. 2000, 66].

Подчеркнем в заключение, что, являясь подуровнями лексического значения лексем, сигнификативное и денотативное значения находятся между собой также в иерархической последовательности: «Для транслационной лингвистики на первом плане бесспорно должно стоять сигнификативное значение» [Егер Г. 1978, 143]. Л. С. Бархударов верно отметил, что задача переводчика – установить, какие элементы «пользуются преимуществом при передаче в процессе перевода, а какими можно «жертвовать» с тем, чтобы семантические потери при переводе были минимальными» [Бархударов Л. С. 1975, 12]. Специфика лагерной лексики, на наш взгляд, заключается в

том, что при ее воссоздании на ЯП в высказывании на первый план выходит не денотативный компонент значения, а информация, выраженная другими составными частями семантической структуры слова: сигнификативным значением, коннотативным или фоновым компонентами. Например, выражение «Твое место у парашаи» воспринимается в первую очередь как оскорбление. Главная задача говорящего в данном случае – воздействовать на адресата, апеллируя к эмоциональному восприятию сообщения, в связи с этим актуализируется эмоциональный компонент в слове, оттесняя денотативный элемент на задний план.

Итак, в рамках нашего исследования мы предлагаем ввести уточнение в концепцию безэквивалентной лексики, в соответствии с которым к безэквивалентной лексике относятся лишь слова, обозначающие денотативные реалии. Расхождения же на сигнификативном уровне при достаточном сходстве денотативных значений позволяют отнести лексическую единицу к семантически неполноэквивалентной лексике. Убедительным примером существования семантической неполноэквивалентности может служить анализ переводческих решений при передаче на английский язык лагерной лексики, составляющей основу специфического некодифицированного фрагмента русского языка XX века – лагерного субъязыка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 237 с.
- Бен-Яков Б. Словарь аргю ГУЛага. – Frankfurt/Main: Possev-Verlag, 1982. – 152 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапипентемы. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
- Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. – М.: Р. Валент, 2006. – 448 с.
- Делюкин Д. А. Некоторые аспекты передачи реалий в переводе // Науч. альманах № 1 (2): Армия и совр. мир: Воен.-полит. и воен.-гуманит. аспекты. – М.: Ассоциация воен. переводчиков, 1997. – С. 146–155.
- Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 137–156.
- Елизарова Г. В. Культурологическая лингвистика (Опыт исследования понятия в методических целях). – СПб.: Бельведер, 2000. – 140 с.
- Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 69–90.
- Колшанский Г. В. Принципы сопоставления семантических систем языков и проблема перевода // Neue Beiträge zu Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. Materialien der II. Internationalen Konferenz «Grundfragen der Übersetzungswissenschaft» an der Sektion «Theoretische and angewandte Sprachwissenschaft» vom 14. bis 17. Sept. 1970. – Leipzig: Athenäum Verlag, 1973. – S. 37-45.
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
- Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004. – 336 с.
- Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. – М.: Просвет, 1991. – Ч. 1. – 269 с.
- Томахин Г. Д. Америка через американизмы. – М.: Высш. шк., 1982. – 256 с.
- Халева И. И. Лингвосоциокультурный компонент подготовки переводчиков (из опыта Московского государственного лингвистического университета) // Перевод и лингвистика текста. Сб. ст. – М.: ВЦП, 1994. – С. 23–30.
- Чайковский Р. Р. Реквием по лагерной пыли (предисловие редактора) // Э. М. Ремарк и лагерная литература: Сб. статей. – Магадан: Кордис, 2003. – С. 5–8.
- Heringer H. J. Interkulturelle Kommunikation. Grundlagen und Konzepte. – Tübingen: A. Francke Verlag Tübingen und Basel, 2004. – 240 S.
- The Oxford Encyclopedic English Dictionary. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 1754 p.

E. Kharitonova

CAMP LANGUAGE AS A SOURCE AND MEDIUM OF NATIONAL AND CULTURAL INFORMATION (IN THE VIEW OF THEORY OF TRANSLATION AND LINGUISTIC STUDIES)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the semantics of camp language lexemes, as well as to introducing the notion of semantic partial equivalence of ethno cultural words (on the example of camp language) and to stating the reasons for singling it out among traditional categories in the theory of translation.

Key words: camp language lexemes, semantic partial equivalence, national specificity, intercultural communication.